

По мере того как я овладевал языком, я мог понемногу узнавать об этом мире.

Я узнал, что это страна – Корея, о которой я раньше не слышал. И что самое невероятное – сейчас 2027 год.

Мир, которому минуло столетие, по-прежнему слушает Моцарта и Бетховена. Если не считать их произведений, всё остальное изменилось.

Я мог управлять чем-то, не прикасаясь, а также смотреть в любую точку мира через ящик, называемый телевизором.

Возможно, это не Земля.

Иначе как тогда объяснить то, что изображение движется.

В телевизоре жёлтый квадратный монстр в одних штанах свободно передвигается и даже говорит.

Самое удивительное в этом дивном мире – тело ребёнка.

Каждый день восхищаюсь даром здорового тела.

Я восстановил свой сломленный разум и спокойствие только благодаря тому, что не слышал галлюцинаций, которые меня терзали, говоря, что я бесполезен.

Нет боли при повороте тела, и не нужно бояться или опасаться, когда она наступит.

Это чудесное счастье может быть повседневной жизнью здорового человека.

Но...

Пускай и не намеренно, это всё равно, что забрать тело ребёнка.

Я не мог сам покончить с этой ложью, хотя и чувствовал вину, из-за дедушки этого дитя.

Он воздерживался от подробных разговоров при мне, да и я не мог толком понять о чём речь.

Похоже, с ребёнком произошёл несчастный случай.

Пожилые люди небезосновательно склонны к проявлению привязанности.

Именно поэтому я и не могу сказать ему, что я не твой внук, даже если и способен общаться с помощью ограниченного количества слов.

– Как ты себя чувствуешь, Хун?

Когда я кивнул, он заговорил снова.

– Тебе хорошо?

И не хорошо, и не плохо.

Просто ситуация неловкая, и я о многом хочу спросить.

Но если я скажу, что был человеком, умершим 137 лет назад, уверен, ко мне будут относиться как к сумасшедшему, как и в прошлом.

– Речь Хуна ведь понемногу улучшается?

Спросил доктор у старика.

– Да, но...

– Скоро станет лучше.

– Ох.

– Профессор должен взбодриться, чтобы Хун тоже мог взбодриться. Ты же хорошо питаешься и занимаешься?

При этих словах старик погладил меня по волосам.

– Когда же он поправится?

– Один раз чудо уже произошло, нельзя терять надежду. А, ему также стоит получить психиатрическую консультацию.

Лицо у старика не очень хорошее.

- Психиатрия уже не та, что прежде. У каждого современного человека есть одно или два психических заболевания. Лечение и своевременная консультация помогут Хуну.

Старик тяжело вздохнул и кивнул.

- Тогда так и поступим.

- Хорошо. В следующий раз поработаем с отделом психиатрии. А также отдельно получим психиатрическую консультацию.

- Да. Мы должны сделать всё, что в наших силах.

Старик пригладил мне волосы.

Странно.

Никак не могу привыкнуть к тому, что меня гладят по голове в свои 36 лет.

Как давно я не получал такого тёплого прикосновения?

Сложные чувства.

На следующий день.

Когда я последовал за медсестрой, думая, что буду прогуливаться, как обычно, я встретил человека, которого раньше не видел.

- Рад тебя видеть, Хун.

- Привет.

Я произнёс приветствие, о котором узнал.

- Я доктор Ким Хивон. Сегодня я буду рисовать с маленьким Хуном. Хун любит рисовать?

Я не понимал, о чём он говорит.

Пока я просто смотрел на него, он улыбнулся и протянул мне белую бумагу и карандаш.

- Что скажешь?

Я поднял голову.

- Нарисуем Хуна? Доктор тоже будет рисовать, так что давай сделаем это вместе.

Кажется, он говорит о том, чтобы нарисовать автопортрет.

Нарисовать.

Я думал, что больше никогда не смогу рисовать. Моё заветное желание сбылось.

Жаль только, что такая возможность выпала мне, когда я забрал тело этого бедного ребёнка.

Поколебавшись, я взял бумагу и карандаш.

- Хун? Куда ты?

Я собирался пойти в уборную, чтобы найти зеркало, но доктор достал его из ящика, будто понял, чего я хочу.

- Вот. Хорошенько взглянем и нарисуем.

Бесстрастный ребёнок в зеркале, кажется, вырос в родительской любви.

На его теле не было ран, а на руках - царапин, и хотя он долгое время лежал, ему удалось быстро поправить своё здоровье, просто питаясь и занимаясь.

У него гладкая кожа и ухоженные волосы. Всё это указывает на то, что его любили.

Каково было бы потрясение родителей, увидь они своего любимого сына безжизненным?

И тем не менее родители не пришли к нему даже после того, как он очнулся.

Моя печаль отразилась в выражении лица.

Я держал карандаш перед бумагой.

Ким Хивон, психиатр из больницы WH Korea, внимательно посмотрел в его глаза.

Сегодняшним пациентом был 10-летний мальчик.

Ким Хивон сочувствовал пареньку, потерявшему родителей в столь юном возрасте.

Ко Хун попал в автомобильную аварию вместе со своими родителями и впал в кому.

После госпитализации врачи сделали всё возможное, но через неделю его сердечно-легочная функция остановилась на 48 часов.

Зрачки не реагировали даже на свет, а кровяное давление резко снизилось.

У него была смерть мозга, он не мог дышать без специального аппарата.

И такой ребёнок чудесным образом очнулся.

Медицинский персонал, наблюдавший за ним, предположил, что языковая аттриция и ухудшение интеллекта постепенно сходят на нет.

Уже одно это было большой удачей.

Мозг остановился на 48 часов, поэтому возможны нарушения его функций.

Просто проснуться было чудом.

Ким Хивон решил подойти к ребёнку, чтобы поинтересоваться, как у него дела с рисунком.

И...

- Бог ты мой.

На секунду он забыл о своей работе и влюбился в детский рисунок.

Стоило ребёнку взять карандаш, как его безжизненные глаза, казалось, засияли.

Мальчик рассматривал себя в зеркале и вскоре зашевелил рукой.

Уверенно.

Линии, которые протянули без малейших колебаний, постепенно обретали форму.

Ребёнок, который ещё недавно был спокоен, рьяно заполнял бумагу.

Грубые линии образовали форму и расположились так, как будто они были там изначально.

Доктор Ким Хивон заворожено наблюдал за происходящим, и только после того, как Ко Хун закончил рисунок, он пришёл в себя.

Рисунок не был детальным.

И даже не был цельным.

Однако он передавал эмоции мальчика, переживающего глубокую печаль.

- Как...

Доктор Ким Хивон поднял голову.

По сравнению с тем подавленным выражением, которое он увидел при первой встрече, мальчик слабо улыбался.

- Ты учился рисованию?

Ко Хун моргнул, будто не понимая, о чём речь.

- Твой дедушка научил тебя рисовать?

Ким Хивон поинтересовался, учился ли Ко Хун живописи у своего деда Ко Суёля, который является деканом Колледжа искусств корейского университета и художником, представляющим Корею.

Родители Ко Хуна также были знаменитостями в сфере искусств и часто появлялись в СМИ.

Мужчина мог только думать, что у мальчика талант, и он получил прекрасное образование от

своих родителей и профессора Ко Суёля.

Ко Хун ничего не ответил.

Он просто смотрел на Ким Хивона и показывал на пустой лист бумаги.

Засмотревшись, доктор забыл, что попросил рисовать вместе.

– Прости. Я забыл, так как Хун хорошо рисовал.

Ко Хун взял пустой лист.

Ребёнок спрашивал разрешения с ясными глазами.

– Хочешь ещё порисовать?

Ко Хун кивнул. Он положил бумагу и вновь взялся за карандаш.

– Боже.

Он мало что знал о живописи, но было и так видно, что Ко Хун – необычный ребёнок.

Некоторое время мальчик не мог усидеть на месте и озирался по сторонам.

Взяв бумагу и карандаш, он только и делал, что рисовал.

Удивительная концентрация, которая невозможна в детском возрасте.

В назначенное время за внуком Ко Хуном приехал его дедушка Ко Суёль.

– Наш Хун хорошо провёл время с доктором?

– Привет.

Его внук всегда говорил лишь «привет», но Ко Суёль всё равно был рад.

– Хорошо-хорошо. Здравствуйте.

Ким Хивон только заметил, что мальчик поздоровался.

Ребёнок такого возраста рисовал почти три часа.

– Хун, я пойду поговорю с твоим дедушкой, подожди здесь немного.

Ребёнок оставался неподвижным, не отвечая. Он крепко держал в руках бумагу и карандаш.

Ко Суэль усадил Ко Хуна на стул лицом к доктору. Его лицо было полно печали.

– Как всё прошло?

Ким Хивон не знал, что ответить Ко Суэлю.

У него был большой опыт, и он встречал разных детей, но случай вроде Ко Хуна попадался очень редко.

Он успокоил своё удивлённое сердце и спокойно начал задавать вопросы.

– Профессор, Хун учился рисовать?

Ко Суэль покачал головой.

– Честно, не знаю. Мы виделись, когда он был ещё совсем маленьким. Они с родителями часто ездили за границу.

Ким Хивон кивнул.

– Я попросил Хуна нарисовать рисунок, чтобы понять его состояние. Даже не знаю, что и сказать. Он так хорошо нарисовал.

– Вот как?

Поскольку Ко Суэль никак не отреагировал, Ким Хивон осторожно протянул рисунок, нарисованный Ко Хуном.

– Думаю, профессор сможет лучше разглядеть рисунок.

Арт-терапия не была его специализацией.

- Я знаю о живописи, но психология...

Ему было интересно, какой рисунок нарисовал Хун.

Как только Ко Суэль взял бумагу, его брови стали подниматься вверх.

- Что это?

- Рисунок Хуна. Я попросил его нарисовать автопортрет, и вот как он нарисовал.

Ко Суэль не мог в это поверить.

Хотя деталей не хватало, форма была четко задана.

Вдали он казался милым ребёнком, но вблизи всё иначе.

В тонких линиях выражались наполненные печалью и замешательством глаза.

От грубых линий он почувствовал неопишемую ауру.

Выразительность, выходящая за рамки оригинальности и смелых упущений, – это не то, что может сделать человек, который учился рисовать всего несколько лет.

Тут чувствовалось достоинство мастера, создавшего свой собственный стиль живописи.

Ко Суэль, который рассматривал и другие рисунки, показанные Ким Хивоном, тихо спросил.

- Хун правда нарисовал это?

- Да. Пока это только предположение, но если у него такие хорошие навыки наблюдения и он может выразить себя настолько глубоко, то не думаю, что вам нужно слишком беспокоиться.

- Правда?

- Да. Нам придётся ещё немного понаблюдать, но таково моё мнение. Не стоит переживать об этом до появления результатов.

Ко Суэль повернул голову и увидел, что его внук что-то рисует в углу комнаты.

- Наверное, хочет рисовать.

Ким Хивон продолжил.

- Он рисует так уже три часа. Мало кто из детей способен так сосредоточиться в этом возрасте. Даже взрослым трудно оставаться в таком состоянии более часа.

Ко Суёль никак не мог принять эту ситуацию.

Внук, тяжело раненный в автомобильной аварии, был обречен.

Его привезли в лучшую больницу, но лечение было невозможным.

Оставалось только поддерживать жизнь.

Однако.

Зная, что надежды нет, он не мог отказаться от единственного внука после смерти сына и невестки.

И тут ребёнок очнулся.

Врачи в больнице WH Kogea сказали, что это чудо.

Пускай у мальчика и были амнезия, языковая аттриция и сильное волнение, он был благодарен за то, что тот вернулся в мир живых.

Внук, который умер и сумел выжить.

Он сталкивался со многими шедеврами, но всё равно не мог в это поверить.

Доктор сказал, что рисунки Хуна очень хорошо нарисованы, но в глазах Ко Суёля это не тот уровень.

Ни один из учеников, которых он обучал в течение 30 лет, не обладал такой сильной выразительностью.

Ко Суёль просто не мог поверить, что его внук нарисовал эти три наброска карандашом.

Он повернул голову.

Его внук посмотрел по сторонам.

А затем опустил голову и быстро задвигал руками.

Всё было так же, как когда мальчик находился в палате.

Он думал, что рассеянность была вызвана обычным волнением.

«Он осматривался.»

Ко Суэль подошёл к внуку.

На бумаге, которую держал его внук, была запечатлена комната для консультации.

Там, где перспектива* обрывалась, было преувеличение высокого накала и желания.

[П/П: *Перспектива – изображение предметов на плоскости в соответствии со зрительным восприятием человеком, отдаленности от точки наблюдения.]

На рисунке был изображен десятилетний мальчик.

Профессор Ко Суэль вздрогнул.

<http://tl.rulate.ru/book/67083/2883247>